

Из-за очищения культивации Юй Тао пришлось подчиниться требованию Цзянь Цяня и провести всю ночь в своей комнате, чтобы окончательно восстановить силы.

Юй Тао понимал: впредь так рисковать нельзя. Но разве не ради Цзянь Цяня он пошел на это? В глубине души он ни о чем не жалел.

Спустя несколько дней после случившегося глава Школы Сияющего Расплава прислал официальный отчет. В нем говорилось, что тот самый человек, чья культивация была очищена, по-прежнему находится в стенах школы под строгим надзором — его наставляют на путь истинный, дабы он больше не сворачивал на кривую дорожку.

Кроме того, в письме выражалось глубочайшее почтение к Юй Тао и крайний стыд за дерзость учеников. В качестве извинения школа прислала набор редких драгоценных пилюль. Намек был прозрачен: в Школе Сияющего Расплава надеялись, что Цзянь Цянь не затаит на них обиду из-за инцидента с его старшим братом.

Цзянь Цянь прекрасно понял этот жест, а Юй Тао — тем более.

Юй Тао наблюдал, как Цзянь Цянь составляет ответ. Письмо вышло настолько казенным и сухим, что ему почудилось, будто в его шиди вселился их покойный наставник — тон был не по годам суровым и архаичным.

От присланных лекарств Юй Тао наотрез отказался. Он заявил, что готов пожертвовать ими всеми на нужды школы Ясной Луны: пусть берет любой ученик, которому они понадобятся.

Цзянь Цянь с улыбкой согласился, но пилюли все же припрятал. Он рассудил здраво: его шисюн заплатил за эти подношения собственной культивацией, и вряд ли кто-то другой достоин ими пользоваться.

Две недели пролетели незаметно. Наконец Цзянь Цяню больше не нужно было притворяться беспомощным простаком. Подготовку он завершил с блеском. Вернувшись к Юй Тао, он похвастался: когда наставник хвалил его успехи, тот заносчивый ветеран сцены перекопился от злости.

Разумеется, учитель старался никого не обделять вниманием и раздавал похвалы всем поровну, но «мэтра» это не успокоило. Тот привык считать себя лучшим и не терпел, когда кто-то не просто дышал ему в затылок, но и смел в чем-то превосходить.

Цзянь Цянь прекрасно это понимал. Раньше он бы и слова не сказал, предпочтя не связываться с подобным типом, но теперь в нем проснулось какое-то упрямство. Слово что-то внутри него изменилось.

Когда съемочная группа приступила к работе, они снова встретились с Чжан Сяопаном.

Юй Тао показалось, что за время их разлуки менеджер еще больше округлился. Он слышал, что Сяо Пан носился как угорелый, выполняя обязанности ассистента, но выглядел тот так, будто только что вернулся из роскошного отпуска — настолько он стал пышным и румяным.

Сам Сяо Пан лишь вздыхал:

— Это все от стресса. Работы столько, что приходится постоянно что-то жевать, чтобы ноги не протянуть. В итоге жирок не ушел, а только прибыл.

Затем он подозрительно оглядел Юй Тао:

— А ты чего такой поджарый? Бездельничаешь, что ли?

Юй Тао не мог признаться, что дело в практике совершенствования, поэтому лишь отмахнулся:

— Наверное, конституция такая.

Сяо Пан лишь обиженно засопел от зависти.

Для съемок в шпионской драме каждому актеру пришлось оформить страховку жизни. В сценарии было полно сцен со взрывами. Раньше в других съемочных группах случались трагедии — из-за ошибок с таймингом взрывов страдали и массовка, и главные звезды. После этого актеры стали разборчивее, а кинокомпании — осторожнее: никому не хотелось платить неустойки и судиться.

Однако шпионские драмы сейчас были на пике популярности. Рынок требовал зрелищ, зрители обожали этот жанр, а продюсеры видели в нем золотую жилу, способную мгновенно зажечь новую звезду. Сколько бы ни было рисков, каждый год на экраны выходили десятки подобных сериалов, и почти каждый становился хитом.

Изучая страховой полис Цзянь Цяня, Юй Тао даже не думал о том, что шиди с его уровнем культивации не страшны никакие петарды. Его удивило другое: оказывается, профессия актера может быть по-настоящему опасной.

Оказавшись на съемочной площадке, Юй Тао понял, почему это так. Чтобы картинка выглядела реалистично, продюсеры не хотели тратиться на дорогостоящую компьютерную графику, цена которой постоянно росла. Вместо этого они решили использовать настоящую взрывчатку. Выглядело это эффектно, но и риск взлетал до небес.

В сюжете персонажу Цзянь Цяня досталось сполна: то он вырывается из горящей базы вместе

с героиней, то прокрадывается в лагерь врага, где всё взлетает на воздух, то в самом финале чудом спасается из огненной ловушки.

Прочитав сценарий, Юй Тао не выдержал:

— Ты когда роль выбирал, глаза где были? Ты актер или курица во фритюре? Почему тебя постоянно пытаются взорвать?!

Слышавший это Сяо Пан не выдержал и прыснул, прикрыв рот ладонью.

— Ой, живот свело... — выдохнул он, едва успокоившись. — Теперь тоже жареной курочки захотелось.

Цзянь Цянь не обратил на него внимания. Он просиял и нежно спросил:

— Юй Тао, ты что, за меня волнуешься?

Юй Тао стоял перед ним, скрестив руки на груди, и смотрел сверху вниз на шиди, который устроился на маленьком складном стульчике и обнимал термос. Разумом Юй Тао понимал, что беспокоиться не о чем — с такой силой Цзянь Цянь легко уклонился бы от любого снаряда. Но стоило ему представить все эти взрывы, как сердце невольно сжималось.

Заметив самодовольный вид шиди, Юй Тао сухо бросил:

— Да так, просто спросил.

— Правда? — Цзянь Цянь так и лучился триумфом. — А я-то надеялся, что ты за меня переживаешь.

Сяо Пан, уплетавший чипсы, вставил свои пять копеек:

— Брат Цзянь, я вообще-то тоже волнуюсь!

Цзянь Цянь указал на менеджера и обиженно посмотрел на Юй Тао:

— Видишь? Даже он переживает!

Сяо Пан замер с чипсом во рту:

— Э... Брат Цзянь, ты это сейчас так сказал, будто моё беспокойство тебе в тягость?

Цзянь Цянь похлопал его по плечу:

— Да ну что ты, как можно! В награду куплю тебе еще пару пачек чипсов.

— Спасибо, кормилец! — Сяо Пан счастливо захрустел дальше.

Однако взгляд Цзянь Цяня по-прежнему был прикован к Юй Тао. Он явно не собирался отступать, пока не вытянет из него признание.

Юй Тао вздохнул и кивнул:

— Ладно, сдаюсь. Конечно, я тоже волнуюсь.

Цзянь Цянь расплылся в улыбке. Он резко встал, чуть склонился к самому уху Юй Тао и прошептал так тихо, что услышал бы только практик:

— По совести говоря... с моей-то силой... к чему тебе переживать, шисюн? И все же ты места себе не находишь... Скажи, неужели в твоём сердце наконец-то проснулись чувства ко мне?

Сказав это, он выпрямился и уставился на Юй Тао с нескрываемым ожиданием.

Юй Тао опешил. В этом вопросе не было ни капли принуждения, но он решительно не знал, что ответить.

Впрочем, Цзянь Цянь не стал давить. Его позвал ассистент режиссера — пришло время заходить в кадр.

Когда шиди ушел, Юй Тао в легком раздражении опустился на тот самый складной стульчик. Сиденье оказалось горячим, хотя на дворе стояла зима.

Заметив выражение его лица, Сяо Пан тут же засуетился:

— Что он тебе такого сказал? Ты прямо сам не свой. Брат Цзянь чем-то недоволен? Ты если что — вали всё на меня! Он на меня долго злиться не будет. — Он вытер крошки с губ и добавил: — Я же твой наставник, в конце концов. Если ты накосячил, значит, это я недоглядел.

Слова были здравыми, но Юй Тао они почему-то задели. Во-первых, с каких это пор Сяо Пан возомнил себя его учителем? А во-вторых, с чего он взял, что Юй Тао совершил ошибку?!

Впрочем, сердиться он не стал. Напротив, в душе шевельнулась благодарность — Сяо Пан оказался парнем надежным.

— Я не злюсь, — ответил Юй Тао. — И Цзянь Цянь ничего такого не сказал. Просто... есть вещи, которые я никак не могу осмыслить.

Сяо Пан громко хрустнул чипсом:

— Неужели и у тебя бывают затыки? Я-то думал, ты на всё смотришь свысока и со всем справляешься играючи.

Юй Тао проигнорировал иронию:

— К сожалению, нет. Не бери в голову, это не касается работы. Мне нужно кое в чем разобраться самому.

Сяо Пан замолчал, а в голове у Юй Тао продолжал стоять гул.

«Чувства к Цзянь Цяню?»

Он и сам не был уверен. Раньше он допускал такую мысль, но полагал, что должен прийти к этому первым. Только тогда он мог бы быть уверен в истинности своих эмоций. Но Цзянь Цянь его опередил. Ощущение, будто он проиграл в этом негласном состязании, вызывало глухую досаду.

Поразмыслив еще немного, Юй Тао успокоился. Есть чувства или нет — это не беда. Глупо изводить себя из-за пустяков. В следующий раз он просто поймет всё быстрее Цзянь Цяня, вот и всё!

Настроение улучшилось. Вспомнив, что он все-таки ассистент, Юй Тао поднялся и направился к краю площадки, чтобы понаблюдать за игрой. Именно там он и столкнулся с тем самым «мэтром», который так раздражал Цзянь Цяня.

Первое, что бросилось в глаза — это спесь. Не пустая похвальба новичка, а тяжелый, закоренелый снобизм. Десятки ролей и куча премий стали для этого актера фундаментом, на котором он воздвиг трон собственного величия.

Юй Тао подумал, что гордость сама по себе — не порок. Каждый волен гордиться своими достижениями. И если сравнивать послушной список Цзянь Цяня с багажом этого ветерана, то шиши действительно было нечем крыть.

Однако гонор этого человека перешел все границы. Сначала Юй Тао решил, что это его личная неприязнь, но, постояв у площадки всего четверть часа, он физически ощутил волны раздражения, исходящие от персонала.

Причина была донельзя проста: этот актер, видимо, возомнил, что его власть выше режиссерской. Прямо на глазах у Юй Тао он самовольно прервал дубль. Режиссер еще не успел открыть рот, а «мэтр» уже замахал руками.

— Стоп, стоп! Снято! — крикнул он прямо на середине монолога Цзянь Цянь, который шел безупречно.

Режиссер, человек тертый и обтекаемый, даже не удивился. Он тут же подлетел к актеру, выслушал поток недовольства, выдал порцию дежурных комплиментов обеим сторонам и попросил «поискать нужное состояние». Едва отвернувшись, он бросился звонить продюсеру.

Продюсера не волновали творческие муки, если они не приносили результата, но когда «поиск состояния» превращался в откровенную травлю и затягивал сроки — в дело вступали деньги. Лишние часы аренды площадки и зарплаты массовке били по карману, а за бюджет нужно было отвечать перед инвесторами.

В последние два дня продюсер не покидал площадку. Стоило режиссеру подать сигнал, как он тут же возник из тени.

Пока продюсер утихомиривал ветерана, Цзянь Цянь отошел в сторону и присел на край декорации. Он мягко улыбался, и окружающие решили, что он совершенно спокоен. Но Юй Тао достаточно было одного взгляда в глаза шиди, чтобы понять: тот в ярости.

Юй Тао подошел и присел рядом.

— И что будем делать? — вполголоса спросил он.

— Ничего, — так же тихо ответил Цзянь Цянь. — Со мной всё в порядке.

Юй Тао повернулся к нему и искренне улыбнулся:

— Это уж точно. Ты играешь великолепно, я это вижу.

Лишь после этих слов колючий взгляд Цзянь Цянь смягчился.

Однако в душе Юй Тао всё равно скребли кошки. Неужели они позволят этому старику и дальше срывать съемки и командовать парадом?